

ОГЛАВЛЕНИЕ

1	О сексуальном согласии.....	9
2	О желании.....	79
3	О возбуждении.....	126
4	Об уязвимости.....	166
	<i>Благодарности</i>	<i>202</i>
	<i>Примечания.....</i>	<i>205</i>

Мне кажется бессмысленным изображать ее (да и любую женщину) или поборовшей своих внутренних демонов, или покорившейся им, словно это был выбор между победой и поражением (слова из чуждого ей языка войны).

Жаклин Роуз,
Женщины в темные времена
(«Уважайте Мэрилин Монро»)

1

О СЕКСУАЛЬНОМ СОГЛАСИИ

Где-то в начале 2010-х порноактер Джеймс Дин снова снял в фильме одну из своих поклонниц — на этот раз девушку, которую в титрах он назвал Girl X. Дин иногда так делал: находил партнершу среди фанаток, которые писали ему, что не прочь с ним переспать, или публиковал на своем сайте предложение с ним сняться, а потом выкладывал ролики в Сеть. В апреле 2017 г.¹ (всего за несколько месяцев до появления лавины статей, посвященных харассменту и сексуальному насилию, в кото-

рых обвиняли Харви Вайнштейна и еще нескольких человек, и спустя лишь два года после того, как самому Дину были предъявлены похожие обвинения, так и не дошедшие до суда) он рассказывал об этом своем проекте в одном интервью: «Я запустил конкурс “Снимись с Джеймсом Дином”. Желающие присылают заявки, я выбираю подходящих девушек, а потом мы с ними очень долго все обсуждаем. Я буквально месяцами твержу каждой что-то вроде “Послушай, может, не надо этого делать? Все рано или поздно узнают, подумай о своем будущем”. В сущности, я отговариваю кандидаток сниматься со мной! Ну а потом мы снимаем сцену».

В ролике с Girl X собственно секса мало. Большая часть видео — это длинный и напряженный диалог, в котором герои, флиртуя друг с другом, постоянно возвращаются к одной теме: стоит ли им заниматься сексом, снимать процесс на камеру и выкладывать ролик в Сеть. Girl X явно колеблется: она то заигрывает с Дином, то пасует; то соглашается, то нет; то решительна, то медлит. Она мучительно раздумывает над этой дилеммой, высказывает свои сомнения вслух, а Дин пытается под нее подстраиваться.

Героине, по-видимому, действительно хочется «сняться с Джеймсом Дином», но, войдя в откры-

тую им дверь, она теряет самообладание. Girl X — мы смотрим на нее через камеру, которую держит Дин, — одета в виниловые легинсы и шелковую, на пуговицах кремовую блузку с черной отделкой. Она бродит по комнатам, нервно смеясь и повторяя: «О боже мой, о боже мой!» Мелькают детали интерьера, нарочито безликого: блестящие поверхности, светлое дерево. Потом камера опускается, и мы мельком видим потертые джинсы и белые кроссовки хозяина. Иногда объектив фокусируется на лице Girl X — она отворачивается. Пока герои обходят кухню с полированным столом и возвращаются в коридор с белым молдингом на темно-красных стенах, Дин поддразнивает ее: мол, студентка, умница, красавица. Он спрашивает, как ему ее называть, но девушка не отвечает. «Ну ладно, — говорит он, — тогда я буду звать тебя Girl X. Может, потом придумаешь себе имя».

Она нервничает, робеет и едва на него смотрит. Садится за блестящий хромированный столик, потом на белую скамейку. Герои начинают обсуждать контракт. Тут камера выключается (детали контракта зрителям знать не положено), а потом включается снова: девушка делает селфи. Она уже почти подписывает документы, но тут внезапно замирает и вслух говорит: «Что я делаю? Что я, блин,

делаю со своей жизнью?» Дин отвечает, что она может остановить съемку в любой момент, а контракт они просто порвут. Камера снова выключается и включается опять. Girl X ставит свою подпись. «Название для ролика можно придумать позже, — замечает Дин. — Или, если хочешь, просто оставайся Girl X». «Не зна-а-аю, — протягивает она в нерешительности. — Я никогда раньше этого не делала».

Смущение девушки должно льстить актеру: она как будто потрясена личной встречей с такой невероятной знаменитостью. Но, кроме того, оно сразу развеивает предположения, которых Girl X наверняка опасается: вряд ли Дин и все остальные сочтут ее эксгибиционисткой или легкомысленной искательницей приключений. Выставление себя на всеобщее обозрение явно дается ей с трудом.

Девушка делает то, чего так хотят жадные зрительские глаза; то, что взбудоражит и удовлетворит аудиторию — включая, возможно, и ее внутреннего наблюдателя, тоже мечтающего посмотреть, как она занимается сексом с Джеймсом Дином. Но в момент, когда Girl X восклицает: «Что я делаю? Что я, блин, делаю со своей жизнью?» — я чувствую, что она ощущает на себе взгляд и другого зрителя, осуждающего и сурового. Внутри нее живут они

оба: один вожделеет, другой порицает. Они живут и во многих других женщинах — мы стараемся ублажить первого и боимся вызвать неодобрение второго. Girl X вынуждена одновременно иметь дело с обоими, да еще и принимать во внимание возможные последствия публичной доступности ролика.

Девушка хочет получить удовольствие, но в то же время она отстранена, смущена и зажата. Она лавирует между потребностью быть раскованной и трезвым пониманием неравенства их с Дином позиций. Ставки в этой игре высоки, и просто воплотить собственные желания Girl X чрезвычайно трудно. Все противоречивые сигналы, которые она посылает, ее нерешительность и перемены настроения подпитываются репрессивными представлениями о женской сексуальности. Героиня ролика бьется над вопросами, которые, собираясь впервые переспать с мужчиной или просто продемонстрировать ему свое желание, много раз до нее задавали себе другие женщины (и, определенно, я сама): «Не опасно ли это? Не потеряю ли я право на уважение к себе и неприкосновенность своей личности? Чем мне все это аукнется? Смогу ли я потом противостоять непрощеным чужим желаниям? Смогу ли отказаться, если уже соглашалась?»

Girl X признается порноактеру в противоречивых чувствах: «Я хочу заняться с тобой сексом, но не уверена, что хочу, чтобы все это увидели». «Ты боишься слатшейминга*», — продолжает Дин ее мысль. «Что-то вроде того, — тут она имитирует речь условного парня. — Я видел, как ты трахаешься с ним, потрахайся и со мной!» И это не мысль параноика. В 2018 г. в Ирландии прогремело дело «регбистов-насильников»². Один из обвиняемых, войдя в комнату и застав там двух своих товарищей занимающимися сексом с девушкой, предположительно, сказал ей: «Ты уже потрахалась с остальными, почему бы тебе не потрахаться и со мной тоже?» Половое влечение, даже проявленное один раз в отношении одного мужчины, делает женщину уязвимой. «Уличенная» в половом влечении, женщина лишается защиты и правосудия. «Да», сказанное ею однажды, воспринимается как «да» всем и всему.

В фильме Джеймса Дина с Girl X немало забавных, милых и возбуждающих моментов. Его,

* Слатшейминг (от англ. slut — шлюха, shame — стыдить) — критика людей, преимущественно девушек и женщин, которые воспринимаются как нарушающие ожидания общества относительно сексуальности. Подразумевает, как правило, осуждение добрачного, случайного или промискуитетного секса, работы в сфере секс-услуг, слишком сексуального, провокативного внешнего вида и т. п. — *Прим. ред.*

пожалуй, довольно приятно смотреть. Герои шутят и поддразнивают друг друга, явно испытывают взаимную симпатию, между ними есть притяжение. Преодолев первоначальное смущение, Girl X «подкалывает» партнера, давая волю своему остроумию и сарказму. В то же время и от неловкости никуда не деться: девушка колеблется, а Дин не уверен, следует ему быть настойчивее или, наоборот, не давить на партнершу, поэтому порой герои делают или говорят что-то невпопад.

Но мало-помалу они переступают эту грань и занимаются сексом: иногда тихо, иногда громко, с перерывами на смех и болтовню. Насколько можно судить со стороны — чего, конечно, делать не следует, — это качественный, жизнерадостный секс, который доставляет удовольствие обоим. Потом герои немного отдыхают, улыбаясь друг другу, и решают пойти покурить на балкон. «Хочешь, я выключу камеру?» — спрашивает Дин. «Да», — отвечает девушка и начинает одеваться. «Конец съемки, — говорит актер и идет в сторону камеры. — Мы отключаемся».

Мы вряд ли когда-нибудь узнаем, чем Girl X и Джеймс Дин занимались после, что происходило в перерывах, какие разговоры и сцены не вошли

в финальное видео. Мы вряд ли узнаем, как Girl X отреагировала на обвинения, которые позже были выдвинуты против Дина. Мы вряд ли узнаем, не случилось ли во время съемки чего-то, что было ей неприятно, о чем она потом сожалела или чем была возмущена. Мне неизвестна судьба этой девушки.

Однако выбор, перед которым она стоит в этом порноролике, знаком мне не понаслышке: я отлично понимаю, что значит разрываться на части, пытаюсь примирить свое сексуальное влечение с необходимостью одновременно думать о ворохе отягчающих обстоятельств. Женщине известно, что, высказывая желание, она лишает себя защиты. Ее слова могут быть использованы как свидетельство того, что насилие вовсе не было насилием и она «сама этого хотела». Girl X, однако, демонстрирует, что не только выражение женщиной своего сексуального желания, но и само это сексуальное желание либо подавляется, либо поощряется внешними обстоятельствами. Как нам вообще понять, чего мы хотим, если одновременно от нас ждут этого «хотения» и легко могут обернуть его против нас? Неудивительно, что Girl X долго сомневается и не может ни на что решиться. Джеймс Дин не ощущает тяжести морального балласта, с кото-

рым для его партнерши связан секс, — да и почему он должен ее ощущать? Но Girl X выросла в атмосфере противоречивых социальных норм. Ее сковывают двойные ограничения, хорошо знакомые всем женщинам: нам бывает трудно говорить «нет», но и говорить «да» нам не легче.

В 2017 г. на Харви Вайнштейна обрушился поток обвинений в сексуальных домогательствах. Вслед за этим социальные сети штурмом взял хештег #MeToo. Тарана Бёрк придумала этот слоган еще в 2006 г., пытаясь привлечь внимание общественности к сексуальному насилию над цветными девушками, но в 2017 г. он приобрел фантастическую известность. Хештег побуждал женщин рассказывать о пережитом ими насилии или сексуальных домогательствах. Истории #MeToo, большая часть которых была связана со злоупотреблениями на работе, не сходили с экранов следующие несколько месяцев. В тот момент публично говорить о пережитом казалось естественным и необходимым.

Я была рада, что эту тему освещают так широко и подробно, но в то же время иногда цепенела от ужаса и отключала новости, лишь бы не видеть бесконечную череду мрачных откровений. На пике

#MeToo порой казалось, что женщин едва ли не принуждают говорить о себе. Поток признаний в Facebook*, Twitter и личном общении создавал ощущение давления, как будто бы все смотрели на тебя с немым вопросом: ну что, когда же ты тоже что-нибудь расскажешь? Было заметно, что общество жадно требует таких историй, облакая свое любопытство в форму обеспокоенности и возмущения. Все это как нельзя лучше согласовывалось со всеобщим убеждением в том, что право говорить правду — это неотъемлемая и фундаментальная ценность феминизма³. Но движение #MeToo не только придало новую ценность женскому праву высказываться, но и взяло на себя смелость сделать это право обязанностью — обязанностью демонстрировать свою феминистскую способность к самореализации, целенаправленно преодолевая стыд и открыто противостоять унижению. Кроме того, откровения #MeToo в своеобразной форме удовлетворяли известную извращенную тягу к смакованию подробностей насилия и издевательствам над женщинами.

Но давайте разберемся, когда и зачем мы просим женщин об откровенности? Кому прино-

* Деятельность Meta Platforms Inc. (в том числе по реализации соцсетей Facebook и Instagram) запрещена в Российской Федерации как экстремистская.

сят пользу эти признания? Кого мы спрашиваем и слушаем в первую очередь? Выдвигаемые женщинами обвинения в сексуальном насилии обычно вызывают жесткий отпор, однако движение #MeToo показало, что все-таки к свидетельствам состоятельных белых женщин люди склонны прислушиваться больше, чем, к примеру, к историям темнокожих девушек, чьи семьи десятилетиями пытались добиться правосудия над музыкантом и насильником Ар Келли*. Согласно исследованиям, полученные от темнокожих женщин заявления о домогательствах вызывают меньше доверия потому, что эти девушки считаются «взрослее» своих белых сверстниц и осведомленнее в сексуальном плане⁴. Обвинения в насилии над белыми женщинами приводят к более серьезным наказаниям, чем в случаях с темнокожими жертвами⁵. Нет, не все слова имеют одинаковый вес.

Кроме того, женщин теперь не просто принуждают говорить о прошлом — их голос должен становиться громче и обращаться к будущему, чтобы не только исправить минувшие ошибки,

* Ар Келли — американский музыкант, певец, обладатель трех премий «Грэмми». В 2021 г. признан виновным в многочисленных сексуальных преступлениях, приговорен к 30 годам тюремного заключения. — *Прим. ред.*

но и предотвратить грядущие. В последние годы представление о «хорошем сексе» стало включать два неперемennых условия: согласие и осознание своих желаний. В сексуальной этикете (по крайней мере, в идеале) воцарилась концепция согласия, и женщина должна прямо говорить, чего она хочет и чего не хочет. Таким образом, она должна знать, чего хочет.

Культура согласия, как я ее буду называть, базируется на убежденности в том, что согласие и является панацеей от всех болезней нашей сексуальной культуры. От женщины требуют свободы в выражении желаний и идеализируют эту свободу, рассматривая ее как признак прогрессивности убеждений. «Пойми, чего ты хочешь, и спроси, чего хочет партнер», — призывает автор статьи в июльском выпуске *The New York Times* за 2018 г., утверждающий, что «хороший секс случается только тогда, когда эти интересы пересекаются»⁶. «Просто поговорите», — увещевает секс-просветитель из передачи «Новый век согласия» на канале *BBC Radio 4*⁷, подразумевая честный и открытый разговор о том, хотите вы секса или нет и если да, то какой это должен быть секс. Говорите о сексе в спальне, говорите о нем в баре, обсудите его в такси по дороге домой — и ваши старания окупятся.

«Воодушевленное согласие, — пишет Джиджи Энгл в журнале *Teen Vogue*, — необходимо для того, чтобы оба партнера получили удовольствие»⁸. Профессор Джозеф Фишел выражает эту расхожую мысль уже как четко оформленную позицию: «Воодушевленное согласие, которое свидетельствует о половом влечении, не просто требуется для сексуального удовлетворения, а практически его гарантирует»⁹. И вот уже на женщине снова лежит немалая ответственность — за удовольствие от секса обоих партнеров, улучшение сексуальных отношений и решение проблемы насилия. Согласие, как подытоживает Фишел в книге «К черту согласие» (*Screw Consent*), «освещает половой акт магией морали».

Подход Фишела далеко не нов: тема сексуального согласия занимает в феминистской повестке центральное положение еще с 1990-х гг. Эта же тема вызывает и нешуточные споры (подробности ниже). В 2008 г. Рэйчел Крамер Бассел писала: «Обязанность женщины по отношению к себе самой и своему партнеру — активно требовать, чтобы ее спрашивали о том, чего ей хочется в постели, а также говорить о том, чего она не хочет. Партнер тоже не должен оставаться пассивным и просто наблюдать, насколько далеко она

зайдет»¹⁰. Убежденность в том, что женщина *должна* артикулировать свои желания и, разумеется, знать их, стала нормой для всех, кто считает, что удовольствие от секса должны получать оба партнера, и разбирается в женской анатомии. Требование понимания и объяснения женщиной своих половых чувств воспринимается как знак бесспорного освобождения: ведь оно ставит во главу угла способность женщины — и ее право — получать сексуальное удовлетворение.

Прогрессивная мысль уже давно склонна вытеснять идею эмансипации размышлениями о сексуальности и удовольствии от секса. Именно это предубеждение критиковал в 1976 г. в книге «Воля к истине» Мишель Фуко, которому и принадлежат слова «До завтра, наш добрый секс»¹¹. Философ саркастически отсылает читателя к убеждению марксистов, революционеров и фрейдистов — всех поборников сексуальных свобод 1960-х и 1970-х, — которые полагали, что для освобождения от оков репрессивной викторианской морали мы наконец-то должны открыто и правдиво заговорить о сексе. Фуко сомневался в обоснованности их «пыла, пыла людей, готовящих заговор против настоящего и призывающих будущее». Он указывал, насколько ошибочно традиционное представление о виктори-

анце как о застегнутом на все пуговицы и чопорном ханже. Люди викторианской эпохи — и Фуко приводит многочисленные примеры этого — на самом деле очень много говорили и писали о сексе, в том числе и о разнообразных патологиях, перверсиях и отклонениях. Фуко поставил под вопрос расхожее представление об уравнивании словесных откровений о сексе и свободы, молчания и притеснения. Его призыв — «не думать, что, говоря “да” сексуальности, мы говорим власти “нет”».

Очевидно, сексуальность все же подавлялась и продолжает подавляться миллионом разных способов, причем особенно суровые ограничения выпадают на долю женской сексуальности. Но давайте приложим мысль Фуко к современности. Вот мы — стоим на пороге светлого завтра. Его уже можно различить невооруженным глазом, почти коснуться. Мы пылко отвергаем настоящее и призываем будущее, держа в руках новое оружие, с помощью которого надеемся освободиться от гнета прошлого, — это сексуальное согласие и, как мы увидим позже, исследования сексуальности. Но ведь правда и свобода высказывания никого не освобождают автоматически, как никого не угнетает и молчание само по себе. Более того, проговаривание становится механизмом прину-

ждения. Это Фуко называет «выведением в дискурс». Идея сексуального согласия подразумевает полную определенность и перекладывает ответственность за качество сексуальных отношений на женщину: все зависит от ее желаний, от умения понимать их и доносить до партнера, от того, способна ли она уверенно самовыражаться в сексе и быть гарантом взаимного удовольствия. И горе той несчастной, которая еще не разобралась в себе и не знает, что сказать. Это, как мы вскоре поймем, опасно.

Одна из женщин, пострадавших от домогательств Вайнштейна, в интервью признавалась, что не отказывала ему, потому что боялась «играть с огнем»¹², боялась вызвать его гнев, жажду насилия или мести. На слушании по делу Вайнштейна в Нью-Йорке в январе 2020-го в свидетельских показаниях кто-то упомянул, что «он взрывался от слова “нет”»¹³. Женщины приучены — во многом стараниями мужчин с их склонностью к принуждению — заботиться о мужских чувствах; общество готовит женщину к принятию ответственности не только за благополучие мужчины, но также и за его дурное расположение и вспышки

жестокости. Помимо того, женщина должна усвоить, к чему ведут подаваемые ею сигналы влечения: если она сначала проявит к мужчине половой интерес, а потом вдруг решит ему отказать, то в произошедшем после этого акте насилия ей будет некого винить, кроме самой себя. Раненое мужское самолюбие агрессивно, и с учетом того, что социальные коммуникации не отличаются прямоотой (особенно когда к ним примешивается страх), женщина часто говорит свое «нет» очень завуалированно, аккуратно и уклончиво — отчасти чтобы дать мужчине возможность сохранить лицо, отчасти чтобы его не провоцировать.

Однако это туманное «нет» иногда вовсе пролетает мимо мужских ушей, а вся деликатность и предосторожность выходит женщине боком в суде — царстве обвинений и придирчивых оценок. «Достаточно ли ясно и громко вы выразили свое несогласие? Уверенно ли вы отвергли его посягательства?»

Выходит, говорить «нет» — дело непростое. Но ничуть не проще говорить «да» и открыто демонстрировать сексуальное влечение. Начнем с того, что проговаривание женщиной своих желаний совершенно не гарантирует ей сексуального удовлетворения, как бы горячо ни уверял нас

в обратном воинственно-оптимистичный дискурс согласия. Главные героини сериала Михаэлы Коэл «Я могу уничтожить тебя» (I May Destroy You), писательница Арабелла и ее подруга, актриса Терри, снимают модную квартиру в Риме, где Арабелла пытается в срок дописать книгу. Они идут в клуб. Терри уходит оттуда раньше, но по пути домой заворачивает в бар, где знакомится с мужчиной. Мы, зрители, уже видели, как раньше он указывал на нее другу, но теперь он флиртует с Терри один. Мужчина приглашает девушку на танец, сексуальное напряжение нарастает — впереди ясно вырисовывается продолжение. Тут появляется его друг. Они начинают флиртовать с Терри вдвоем, ничем не выдавая свое знакомство. Флирт органично (по крайней мере, с точки зрения Терри) завершается спонтанным сексом втроем. После секса — вернее, после того как оба мужчины кончают, — они торопливо, не церемонясь, одеваются и уходят, оставляя пораженную Терри. Они получают удовольствие и достигают оргазма; но как же девушка? Она недвусмысленно и воодушевленно согласилась заняться с ними сексом, но это не мешает ей чувствовать себя использованной и выброшенной. Совсем пав духом, Терри видит, как мужчины вместе шагают по ули-

це, — теперь ей совершенно очевидно, что они старые друзья и только прикидывались незнакомыми. Девушка с отвращением осознает, что ее сексуальное любопытство дало им возможность манипулировать ею и провернуть эту небольшую подленькую аферу. Так что же, сексуальное согласие и ясное выражение желания и правда гарантируют женщине наслаждение? Гарантируют, что она не станет для мужчины средством достижения удовлетворения? Как бы не так. Ни удовольствия, ни прав на него у мужчин и женщин не поровну.

При этом говорить «да» и открыто заявлять о своем желании тоже небезопасно. Сексистская традиция придирчивой оценки морального облика женщины не дремлет. Судебные процессы об изнасилованиях и домогательствах нередко превращаются в обсуждение того, давала ли жертва согласие на секс. Идея согласия, таким образом, затуманивается, смешиваясь с идеями удовольствия, сексуального возбуждения и желания. По меткому выражению одного именитого британского адвоката, идеальная жертва изнасилования должна быть «невинной или как минимум респектабельной»¹⁴. Если женщина для поиска сексуальных партнеров пользуется приложениями вроде Tinder, это может ухудшить ее позиции в суде,

даже несмотря на то, что этот факт напрямую не связан с рассматриваемым делом. Склонность женщины к ни к чему не обязывающим сексуальным контактам может сыграть против нее в суде¹⁵. Другими словами, на свидании с парнем из Tinder изнасилования быть не может: ты же нашла того, с кем точно собиралась переспать!

Сексуальный аппетит женщины часто используется для оправдания мужского насилия. Иначе для чего, к примеру, адвокату обвиняемого демонстрировать на процессе нижнее белье жертвы, как это было в Ирландии в 2018 г.? Адвокат заявила: «Посмотрите на ее одежду. На ней были кружевные стринги!» Трусы истицы неоспоримо доказывали ее готовность к сексу¹⁶.

Не будем забывать правило: если женщина согласилась на что-то хотя бы раз и это стало известно, автоматически считается, что она согласна на все и всегда. В 2012 г. валлийский футболист Чед Эванс был обвинен в изнасиловании девятнадцатилетней девушки и заключен под стражу. Однако информация о сексуальной истории его жертвы позволила адвокатам представить дело Эванса в ином свете, и в 2016 г. состоялось повторное судебное разбирательство. Суд рассмотрел показания двух мужчин, которые почему-то счел

относящимися к делу. Мужчины заявляли, что жертва изнасилования «всегда проявляла склонность к необычному сексу (на четвереньках с проникновением в вагину сзади)» и во время секса приговаривала: «Трахай меня жестче!»¹⁷. Получается, что демонстрация удовольствия от секса тоже играет против женщины, — а между прочим, это то самое удовольствие и та самая сексуальная раскрепощенность, которые десятилетиями пропагандируются женскими журналами под знаменем сексуального освобождения женщины!¹⁸ Вот вам и пример противоречивых сигналов!

Несколько лет назад я написала книгу о сексе¹⁹. В ней я рассказала о собственном опыте: о радостях и трудностях, о плохом и хорошем. Люди постоянно спрашивали меня, как я решилась на такой рискованный шаг — выставить на всеобщее обозрение свою интимную жизнь! — и говорили мне, что я очень смелая. Те, кому книга понравилась, говорили это с восхищением, те, кому она не понравилась, писали или произносили это совсем по-другому, выражая скорее шок. Общим было, как я заметила, недоверчивое удивление. И те и другие были убеждены в том, что рассуждать о своей сексуальности для женщины крайне неосмотрительно.

Я, в свою очередь, изо всех сил старалась задвинуть подальше мысль, которая упорно маячила за всеми этими отзывами, — мысль о том, что мой публичный рассказ о собственном сексуальном опыте теперь и до самой моей смерти при необходимости можно будет использовать и против меня. Я никак не могла, хотя и очень старалась, перестать думать о том, что страницы откровений о сексе могут выйти мне боком. Если вдруг мне когда-нибудь доведется обвинять мужчину в домогательствах, они буквально развяжут ему руки.

Если кого-то из моих собеседников заметно передергивало от возмущения, я относил это на счет гендерных двойных стандартов и традиционной неприязни общества к женщине, свободно разговаривающей о сексе. Однако не исключено, что эта неприязнь не беспочвенна. В мире, который одновременно и настаивает на женской раскрепощенности, и наказывает за нее, открытость делает женщину уязвимой. Ее уязвимость, в свою очередь, вызывает страх, проявляющийся в форме либо благоговения, либо отторжения. Чье-то внутреннее «брр» — это просто сигнал распознавания опасности, коллективное предупреждение «Будь осторожна!».